

ЗА ЛЕНИНИЗМ

НА ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

вад. буш.

ЗА ИЛИ ПРОТИВ

(За ленинскую методологию в стенах ВУЗ'а)*

Когда папа Пий XI пытался организовать крестовый поход против пятилетки, профессор Каплинский выступил с докладом об... „Анекдотах папского двора“. К 60-летнему юбилею Рязанова выступал с обширным докладом „К текстологической характеристике Рязановских изданий“. Ко дню смерти Фриче профессор также успел подготовить доклад на эту тему.

Пока лишь заметим, что эти доклады на темы современности имели настолько неуловимый смысл, что в прениях выступали редко и расходились с каким-то тяжелым осадком.

Очень некстати безмятежная профессорская карьера была прервана методологической самопроверкой в Саратовском университете.

* * *

Плавню перекатываясь шариком около кафедры, профессор Каплинский с деланным спокойствием длинно и паутинообразно излагал свою „научную“ эволюцию...

— У меня довольно много научных работ. В своих работах я прошел путь через формализм к социологизму.

Реакционер Голубев назывался республиканцем. Реакционер Какушкин с гордостью заявлял, что всегда был и останется „социалистом“. Ну, а профессора Каплинского тоже не надо трогать: он социолог.

Выступавшие сразу же яркими мазками дали истинное лицо „социолога“.

В обществе литературоведов, делая доклад о Боккачио, проф. Каплинский, бегло перечислив количество торговых путей эпохи Боккачио, совершил полет с земли на луну: от экономики прыгает сразу к художественному материалу, анализируя его стилистический и композиционный состав. На вопрос председателя общества о причинах такого „взлета“ ответ вполне резонный: „Видите ли, это все же необходимо было сказать для широкой публики“ (?).

Ну попробуйте обвинить профессора в том, что им не раскрыт социальный смысл художественного произведения! Но тогда ведь должны пропасть полчаса горячей ораторской речи. Как видите, аргумент веский.

На занятиях в вузе проф. Каплинский перечисляет, сколько было фабрик и сколько железных дорог в эпоху того или иного писателя. Затем „экономический ящик“ наглухо запирается. Профессор идет к „раскрытию“ художественного произведения.

— Не правда ли, коллеги, свежо написано? Не находите ли вы, что произведение буквально заражает своей непосредственной искренностью? Кроме

того автор обнаруживает знания самых глубин человеческого сердца. Вы про что бы хотели послушать из этого замечательного произведения?

Профессор долго смакует клубничку из „Декамерона“, из итальянской литературы эпохи торгового капитала. Читка сдобривается разъяснениями к автору произведения и студентам о том, что вот эту сцену автор мог бы изложить в более увлекательной форме, кроме того героине больше подходило бы темно-синие глаза, а не черные, и затем белокурые локоны.

На собрании профессор категорически отвергает эти „вздорные обвинения“. Он оказывается просто старался помочь студентам поглубже вникнуть в художественное произведение.

Разберемся, профессор!

Мы коснемся „научных трудов“. К тому же от напечатанного отказаться трудно.

Мы откроем „Ученые записки Саргосуниверситета“ том VI и на странице 137 найдем вашу статью „К характеристике Ninfaie Fiesolanto. „Боккачио“. Вы забыли там перед разбором произведения открыть „экономический ящик“. Но дело не в этом. Быть может через ряд опосредствующих звеньев анализа вами вскрыт социологический эквивалент „Фьезонтальских нимф“? Нет, первый акт марксистской критики (перевести идею художественного произведения с языка фактов на язык социологии) вы забыли. Зато из 19 страниц вашей статьи не меньше 16 посвящены пересказу любовной трагедии Африко и Менсолы, а остальные композиционному и формально схоластическому анализу, мещанско-эстетскому любованию „Миром идиллии“, „ласковой природой“ и т. д.

Ваша „социология“ и потуги анализа представляют собою бесформенную „амебу“. Прочтем „перлы“.

„Молодой пастух Африко, влюбившийся в красавицу Менсолу, его горячее чувство и страдания, стремления скрыть происходящее в душе от родителей, его бесконечное горе, когда он не видит своей Менсолы, приведшее его к смерти, все это понятно. Это настоящие человеческие чувства, жизнь сердца, которая заражает нас своей силой и искренностью“ (ст. 147).

„Вот эта-то тонкость психологической интуиции и составляет главную прелесть поэмы. Мы далеко от мира действительной жизни... Боккачио переносит нас в особый, им созданный, мир—мир идиллии, и в простоте идиллической жизни ярко светит любовь“ (148).

* Окончание. Нач. см. ст. Вад. Буш и М. Гольдберг в № 5—6.

„К Африко, страдающему от любви... подходит бы большая нежность речи“ (151).

„... Риторика не накладывает заметного отпечатка на поэму, которая остается искренней по тону и свидетельствует о том, как близко к сердцу принимал Боккачио жизнь, полную любви и нежных чувств среди ласковой природы. Жизнь человеческого сердца и чувство природы нашли себе в поэме прекрасное выражение“. (153-154).

Каплинский заговорил словами Боккачио! Чтож поделаешь, если хочется человеку уйти от проклятого реального, социалистического мира к „миру идиллии“, где „светит любовь“, пасутся невинные нимфы и т. д...

Разве можно, профессор, так откровенничать? Надо было с Боккачио говорить наедине, а не в „ученых записках Саратовского университета“.

Вы на собрание предпочли обойти молчанием нашу критику; мы не будем назойливы, однако напомним, что проговорились в работе о фьезонтальских нимфах вы не случайно.

Ведь все ваши работы как раз характеризуются мелочным эмпиризмом, никчемностью и ненужностью поднятых вопросов, отсутствием какой-либо (уж не говоря о марксистской) установки.

И до сегодняшнего дня профессор не счел нужным чуть-чуть призадуматься над тем, чтоб немножечко методологически перевооружиться. Вместо этого он предпочел мимикрировать, швыряться марксистскими фразами, из-за которых все же торчат, оттопыриваются уши беспринципного эклектика, пошлого вульгаризатора марксистско-ленинской критики.

Долго пришлось бы возиться с методологической кашей профессора Каплинского.

Однако напомним, профессор, что к основной проблеме литературоведения, проблеме формы и содержания вы увековечили свое отношение следующим образом: „Видите ли, форма — все равно что резина в нее можно по желанию вложить любое содержание.“ Простите, профессор, но это не диалектическое, а... юмористическое понимание проблемы.

Мы привыкли понимать проблему формы и содержания в художественном произведении в форме живого диалектического единства. В художественном произведении форма и содержание не механически сцеплены, а органически слиты. Не для вас ли дал в „Логике“ Гегель изумительно четкую формулировку этого диалектического единства: „форма, полагаясь самой сущностью, определяясь ею в ходе развития предмета, неразрывно связана с внутренним содержанием его, с закономерностью, создающей из предмета качественную определенность.“ „Форма есть содержание и в своей развитой определенности она есть закон явления“ *)

В литературоведении эту формулировку развил Плеханов, который отнюдь не придерживался того мнения, будто бы писатель волен тасовать форму и содержание как ему вздумается. Плеханов не устал повторять, что искусство есть мышление в образах, что в отличие от философии или публицистики писатель не доказывает, а показывает, мыслит не силлогизмами, а образами; что конкретная идея, лежащая в основе художественного произведения, соответствует определенной художественной форме, и наоборот, эта художественная форма должна соответствовать этой идее. Плеханов писал, что на переломах истории бывает,

что форма отстает от содержания, или наоборот изысканная форма доминирует над тощими идеями, но это никак не опрокидывает основного тезиса марксистского литературоведения, что в художественном произведении форма и содержание органически слиты, что первичную решающую роль имеет содержание, что искусство как противоречивая диалектическая закономерность, не потеряет ваших „резиновых тезисов“.

Ваша формулировка — формулировка беспринципного эклектика, неспособного возвыситься над категорией взаимодействия формы и содержания, не могущего монистически найти основное звено, вскрыть диалектическое единство (не тождество) формы и содержания.

Вы скажете, ошиблись случайно. Но второй методологический грех топит вас с головой.

В работе о Декамероне — реализм (буржуазный) противопоставляется условности (феодальной и традиционной).

Последняя наивно объясняется отражением воспоминаний Боккачио о неаполитанском придворном круге. По вашему мнению в произведении соединены отражения разнородных классовых действительностей. Вопрос о преломлении той и другой в классовом сознании Боккачио совершенно игнорируется. Субъект совершенно подменен объектом.

В практике вашего преподавания то же самое. Студенты ознакомлены с тем, какому классу принадлежит Гамлет, но ничего не могут сказать о классовой природе Шекспира.

Тайна субъекта и объекта разрешается у вас, проф. Каплинский, таким образом, что первый исчезает вовсе, растворяется во втором. Субъект перестает существовать. Но ведь это не единство, а тождество. Диалектический-же материализм учит, что единство как раз заключается в том, что ни одна из его сторон не уничтожается, обе сохраняются. У идеалистов объект отождествляется с субъектом, растворяется в нем. У вас же, наоборот, субъект (изобразитель) отождествляется с объектом (изображаемым), растворяется в нем до конца.

Но ведь это плоский, вульгарно-механистический, мягко выражаясь, материализм. Ленин писал, что для нас „умный“ идеализм ближе, чем вульгарный и непослелдовательный материализм.

Для нас проблема субъекта объекта в художественном произведении давно ясна, потому, что она разработана Плехановым и в общей форме Марксом, Энгельсом, Лениным. Субъект вовсе не обязательно принадлежит к той среде, которую изображает. Он может быть порожден иной средой, сидеть в ней всеми корнями, образовать в ней полное единство, именно потому, что действительность противоречива, диалектична, двойственна, состоит из нескольких классовых разнородностей. Но оттого, что автор изображает другую среду, единство субъекта с объектом вовсе не нарушается. Дело объясняется просто тем, что объект не монолитен и не застыл в неподвижности, а многогранен и развивается. Именно свойства бытия, к которому принадлежит художник, толкают его на изображение другого бытия, черпающего свое содержание из той же действительности.

Поэтому задача марксиста-литературоведа проанализировать ход идей автора, его отношение к отображаемому им объективному миру, проанализировать автора, как ступок общественных отношений, как идеолога данной классовой группировки.

*) Гегель, том I 1931 года „Логика“, стр. 223.

Именно из непонимания диалектического единства субъекта и объекта у Переверзева родилось отрицание необходимости привлечения авторской личности при разборе художественного произведения.

Это фаталистическое понимание роли личности, выросшее из механистического понимания взаимоотношений субъекта-объекта как тождества, начисто разоружает литературу пролетариата, строящего социализм, перед лицом классового врага («все равно, мол, не выскочить личности из сковавшей ее действительности».)

В этом случае вы, проф. Каплинский, покорно плететесь за Переверзевым. Но прочтите первый тезис Маркса о Фейербахе: «Главный недостаток материализма—дофейербаховского включительно,—состоял до сих пор в том, что он рассматривал действительность, предметный, воспринимаемый внешними чувствами мир лишь в форме объекта или в форме созерцания, а не в форме конкретно-человеческой деятельности не в форме практики, не субъективно».

Вдумайтесь в этот тезис, сходится ли он с вашим механистическим тождеством субъекта—объекта! Впрочем вас ждут пастушки и нимфы, кавалеры, дамы, анекдоты и право же мы пойдем, что вам тошно читать Маркса.

Но какой же тогда вы, профессор, с позволения сказать социолог, да еще идущий к марксизму.

* * *

При учете работы студентов профессор не требователен:

— Вы знакомы с предметом? Давайте зачетку.

Впрочем «близость» к студентам со стороны профессора проявляется также в том, что он не против поделиться «деликатесными» анекдотами.

Об общественной деятельности в условиях советского вуза профессор говорит довольно развязно и с жаром.

— Еще в 1922 году по поручению историко-филологического факультета я ездил в Наркомпрос, утверждал новые программы; я тогда еще занимал довольно левую позицию. Позже работал в производственном совещании, в комиссиях при деканатах и мне даже доверили работать в комиссии по реорганизации музыкального техникума.

Правда, этот «общественник» предпочитает умолчать о том, что глубоко-психологические соображения помешали ему вступить в ряды Варнитсо, что за всю свою многолетнюю деятельность этот «левый» профессор ни разу не выступил против реакционной профессуры, ограничиваясь тем, что после собраний (на которых целомудренно соблюдал молчание) брал за пуговицу директора вуза или заведующего педфака и шепотком изливал свои чувства против всех и всяческих гидр контрреволюции.

Мало,

Приходя в воинственный азарт,

Пищать,

Широко раскрывая ротик;

Если ты

Не выступаешь

За,

Значит ты

Пятилетки против!—

сказало словами Маяковского собрание Каплинскому. «Нейтральность» во время боя—это уже классово-враждебное выступление против пролетариата.

Но профессору эти аргументы кажутся неубедительными.

— Почему же, когда в «Правде» были статьи о реакционной профессуре, меня там не упоминалось! Я недавно делал доклад по ликбезу для партинструкторов. Если уж и нахожусь в среде беспартийной, «болотной» профессуры, то все же на левом фланге?

Почва уже качается под ногами, в аудиторию пускается еще «снаряд».

— На красной конференции словесников в 1928 году я делал удачный доклад об интернациональном значении литературы и был цитирован зав. культпропом крайкома ВКП(б) тов. Бройдо.

Вспоминается март 1930 года, когда на поставленные профессору Голубеву в упор вопросы этот «республиканец» изящным жестом извлек фотографическую карточку с признательными надписями партийцев. То же проделал в марте 1931 года и профессор Любомиров.

Как недалеко ушла вперед тактика «болотной» и реакционной профессуры!

* * *

В наших очсках мы попытались дать яркими красками картину методологической (классовой) борьбы в среде профессуры.

Краски не сгущены. Мы показали реакционеров в науке, «болото» (стоящих на грани реакционности) и в этом заключалась наша цель—привлечь внимание вузовских организаций, студенчества, всей общественности к борьбе за ленинскую методологию; к борьбе за метод диалектического материализма в высшей школе.

В самом деле, главное, что объединяет показанных нами «людей науки»—это органическая ненависть к материалистической диалектике, стремление китайской стеной отгородиться от практики социалистического строительства. Люди, привыкшие считать их все же людьми науки, вероятно будут поражены, если узнают, что из уст ученого могут вылетать такие слова: «диалектический материализм невозможно применить к истории математики, т. к. (?) последняя существует тысячелетия, а диалектический материализм лишь десятилетия». И говорит это естественник!

На смотрах, в отчетных докладах, впрочем бравурные нотки политической реакции и ученого мракосесия вырывались редко, их больше вытаскивали представители студенчества и общественности. Мужество давно изменило представителям реакции. У них преобладает теперь мимикрия, стремление спрятать свои взгляды и настроения под сень лояльности и словесное, «процентное» (проф. Любомиров, Каплинский) признание марксизма. Несогласие с классовым подбором студенчества выражается в том, что безразлично, какой подбор, лишь бы наука не пострадала. Тоже защитники, науки! Отношение к общественной работе и студенческим организациям сводится к практике игнорирования или казенного, обязательного отбытия «повинностей»

Таких—меньшинство. Время очень сильно размыло эти организационные точки «внутренней эмиграции»

Быстрый темп социалистического строительства индустриализация, сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса на этой основе, размах культурного строительства, все эти гигантские успехи партии обеспечили коренной перелом в среде старых специалистов.

Мы разбили вредителей на голову, расслаивая „нейтральность“, тщательно привлекая к себе лояльную часть профессуры.

„Не бывает того, чтобы сочувствующие и тем более нейтральные и колеблющиеся добровольно согласились разделить судьбу своих активных друзей после того, как эти последние потерпели жестокое и непоправимое поражение“. (Сталин)

Поворот среди старой интеллигенции начался. Он в массовом вступлении научных работников в Варнитсо, в партию, в тяге к изучению материалистической диалектики. „Нельзя по-старому валить в одну кучу всех специалистов и инженерно-технические силы старой школы. Чтобы учесть изменившуюся обстановку, надо изменить нашу политику и проявить максимум работы в отношении тех специалистов и инженерно-технических сил, которые определенно поворачивают в сторону рабочего класса“. (Сталин)

Вместе с тем надо помнить, что враг не добит. Было б большой ошибкой сказать, что поворот среди старой интеллигенции и успешно проведенная борьба с меньшевистским идеализмом рубинщины, меньшевистствующим идеализмом деборицины, механистической методологией Переверзева, с целым рядом других не марксистских и анти-марксистских теорий, означает, что борьба с буржуазными и социалистическими влияниями не закончена.

Нет!

И тем более потому, что теперь эти теории, чаще всего выступают в замаскированном, завуалированном псевдо-научной „левой“ фразой и формой. Одним из таких примеров социал-демократического извращения марксизма-ленинизма, отрыва теории от практики классовой борьбы может быть дело „марксоведа“ Рязанова.

„Необходима еще неустанная работа по искоренению существующих и возникающих в различных научных областях теорий, отражающих буржуазное и социал-демократическое влияние“. (ЦК ВКП(б)).

Методологическая самопроверка в Саратовском университете показала, что этой „неустанной работы“ и этой бдительности у руководящих вузовских организаций не оказалось.

Программы даже по основным методологическим дисциплинам (ленинизм, диамат, политэкономия) в общем удовлетворительные, не достаточно были подчинены конкретным задачам развернутого социалистического наступления. Программы не всегда отражали борьбу на два фронта: в программе по диамату не было развернутой критики меньшевистствующего идеализма, в программе по политэкономии нет развернутой критики механистической методологии. При всем этом кафедры ведущих методологических дисциплин не взяли на буксир других кафедр, особенно по физико-математическим и естественным дисциплинам, в которых ленинской методологией и не пахло.

В программах по конкретным экономическим дисциплинам (эконом.-география, статистика, организация управления труда) по большинству из них обнаружено отсутствие критики буржуазной методологии, нет борьбы на два фронта. Отмечается наличие вульгарного эмпиризма и делячества, а некоторые пытаются протаскивать буржуазную методологию (рекомендуются изъятые учебники Вихляева и Боброва).

В условиях развернутого наступления социализма по всему фронту и обострения классовой борьбы, особенно ярко вскрывается политический смысл (реакционный конечно) метода замалчивания ленинской методологии как особого способа борьбы с ней и попыток протаскивать буржуазную методологию. Только так можно и надо расценивать ряд программ, обходящих и не пытающихся поставить вопросы в свете марксизма.

Особенно слабым участком являются программы физико-биологического и физико-математического секторов. Эти программы не дают нам намека на связь конкретных научных задач с практикой социалистического строительства и классовой борьбы, они совершенно обходят критику буржуазной методологии и растущего мистицизма в этих дисциплинах на Западе, они глубоко академичны, они не пытаются вскрыть углубляющего противоречия между успехами науки и загниванием буржуазного общества. Эти программы наскозь беспартийны, а беспартийность, как указывает Ленин—идея буржуазная. Эти беспартийные программы, следовательно, реакционны.

На ряду с прямым игнорированием связи предмета с практикой социалистического строительства мы имеем такие программы, которые пытаются спрятать свое истинное лицо под маской „научного объективизма“, ученой сверакадемичности. Чего стоит например, программа доцента Волчанецкого по биологии, в которой основы диалектико-материалистической биологии квалифицируются как „новейшее достижение“. И невдомек сим ученым, что квалификация метода диалектического материализма в биологии, как одного из новейших достижений, это по существу и есть одна из форм сопротивления пролетариату, попытка навязывать буржуазную методологию. Не даром программа обходит волну воинствующего мистицизма в буржуазной биологической науке Запада и Америки.

Какое убогое идейное крохоборчество!

* * *

Борьба за качество подготовки пролетарских кадров социалистического строительства есть политическая борьба на одном из решающих участков развернутого социалистического наступления и выполнения программы пятилетки в четыре года.

Сопротивление враждебных нам классов и их идеологических представителей—контрреволюционной интеллигенции требует особой бдительности и развернутой борьбы на методологическом фронте во всех его звеньях, как с открытыми попытками пропагандировать идеологию буржуазной реставрации, так и с попытками вести борьбу с марксистско-ленинской методологией средствами полного замалчивания научного метода Маркса и Ленина, тем самым в скрытой форме протаскивать буржуазные приемы в науку.

Все это требует на идеологическом фронте решительной борьбы за генеральную линию партии, борьбы со всякими уклонами от нее в теории и на практике, организованного отпора реакционным извращениям революционной теории, отпора теории, не основанной в полной мере на методе марксизма и ленинизма, не опирающейся на практические достижения социалистического строительства и классовой борьбы пролетариата.

За маской „научного объективизма“ или замалчивания своих методологических позиций реакционная часть профессуры в Саргосуниверситете отчаянно пыталась реставрировать буржуазно-идеологические взгляды в науке.

На фронте борьбы за марксистско-ленинскую методологию со стороны всех руководящих звеньев университета не было обеспечено организованное руководство программно-методологической работой, политического руководства методическими комиссиями не было.

Партийно-комсомольские коллективы вуза не возглавили своевременно работы по обсуждению программ, не возглавили массовой студенческой критики программ. Доведением программ до ударной бригады не занимался никто. Таким образом, со стороны всех руководящих звеньев университета проявился оппортунизм на практике.

Только в результате широкой методологической самопроверки внимание всего студенчества и преподавательского состава было привлечено к задачам борьбы за ленинскую методологию. Парторганизация вуза и комсомол возглавили движение студенческих масс-

В среде научных работников повысилась тяга к глубокому овладению материалистической диалектикой.

Вузовская газета „За пролетарские кадры“ настойчиво, энергично дралась за ленинскую методологию.

Этот перелом надо закрепить.

Уроки программной самопроверки требуют от каждого студента, коммуниста, научного работника, стоящего на позициях диалектического материализма, еще более напряженной, упорной борьбы с буржуазными теориями за чистоту марксистско-ленинской методологии, борьбы на два фронта: „с механисти-

ческой ревизией марксизма, как главной опасностью современного периода, так и с идеалистическим извращением марксизма“. (Из постановления ЦК ВКП(б).

каденбоген с.

О Н.-В. краевом научно-исследовательском институте марксизма-ленинизма

Потребность в организации единого научно-исследовательского марксистско-ленинского центра в Нижнем Поволжье ощущается давно. Отсутствие такого центра до последнего времени несомненно замедляло темпы научно-исследовательской работы, приводило к распылению сил и не обеспечивало в должной мере марксистско-ленинского руководства всем ходом научно-исследовательской работы. Все это приводило к тому, что отдельные ведомства и научно-исследовательские институты и учреждения разрабатывали научно-исследовательские проблемы совершенно независимо друг от друга, не координируя своей работы, фактически при полном отсутствии единого плана научно-исследовательской работы края.

А между тем крупнейшие социально-экономические и культурные сдвиги, которые произошли за последние два года в Нижне-Волжском крае, быстро превращают его из края аграрно-индустриального в индустриально-аграрный, в край с быстро развивающейся индустрией, в край сплошной коллективизации, вскрывая целый ряд научных проблем, имеющих исключительно важное значение для социалистического строительства.

Разработка этих проблем требует прежде всего строгой плановости, координации сил, полного обеспечения марксистско-ленинского руководства.

Для края серьезнейшее значение имеют проблема изучения экономического профиля районов и географического размещения промышленности, изучения естественных сил края (сланцы, хоперская руда), углубленное изучение перспектив развития промышленности—в первую очередь металлургической, лесопильной, кожевенной, текстильной, химической, маслостройной, рыбной, изучение энергетических ресурсов края и вопросов о централизованном снабжении промышленности края электрической и тепловой энергией, систематизация материалов по Волго-Дону и разработка гипотез по Волгострою, изучение проблемы рабочей силы краевой промышленности в связи с индустриализацией края и сплошной его коллективизацией, ряд серьезнейших научных проблем по филиалу нефтяного института по центральной испытательной станции, по филиалу института прикладной химии, по филиалу института строительных материалов, по филиалу института сооружений. Не меньшей важности научно-исследовательские задачи стоят перед краем в области